

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 4.

25 ЯНВАРЯ 1859.

Выходятъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Приимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стеловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауфerta; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ музыкальныхъ: Ленгольда и братьевъ Шильдбахъ, и въ книжныхъ: Базунова, Щепкина и Стѣшниковъ.

Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китпера, кв. № 23.

Къ № 4-му прилагаются: портретъ Амаліи Феррарисъ, и «Adelaïde» Бетховена, для фортепіано.

Содержаніе: ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ (П. Шпилевскаго, М. Раппапорта и К. Званцова). — Вѣсти отсюда (М. Р.). — Концертъ въ школѣ кантонистовъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка (П. Шпилевскаго). — Карлъ-Марія Веберъ (продолженіе). — Лекціи г. Сѣрова. — Музыкальныя извѣстія.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Бенефисъ г. Максимова 1-го (послѣдній, января 19-го). — Бенефисъ г-на Мопидье. — Дебютъ трехъ карликовъ. — Г-жа Леонова въ Москвѣ.

При бѣдности бенефисныхъ спектаклей въ нынѣшій сезонъ, бенефисъ г. Максимова 1-го можно назвать лучшимъ: по-крайней-мѣрѣ, почти всѣ піесы даны новыя; кромѣ того антракты оживлены были танцами и пѣніемъ. Конечно, нельзя сказать, чтобъ эти піесы всѣ до одной оказались замѣчательными, но все-таки на афишѣ онѣ имѣли значеніе и возбуждали сильное любопытство въ публикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе увидѣть всѣми любимаго бенефицианта въ четырехъ разнородныхъ роляхъ..... Оттого-то и собралось такъ много публики въ бенефисъ г. Максимова; любимаго встрѣтили дружными продолжительными рукоплесканіями, при чемъ поднесены были ему роскошный букетъ и большой вѣнокъ.

Бенефициантъ представилъ въ свой бенефисъ три новыя піесы, между-прочимъ новый трудъ г. Львова: *Компанія на акціяхъ* (сцены изъ современной петербургской жизни); но къ сожалѣнію г. Львовъ, которому посчастливилось съ-разу, послѣ первой комедіи, приобрести себѣ большую извѣстность, № 4.

нѣсколько повредилъ своей славѣ послѣднею піескою, которая не имѣла никакого успѣха; о литературномъ достоинствѣ и говорить нечего; за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣткихъ фразъ, въ ней ровно нѣтъ никакихъ особенностей; языкъ впрочемъ легкій, живой, какъ и въ прочихъ комедіяхъ этого автора. А кажется, г. Львовъ могъ бы развить ту богатую тему, которую онъ избралъ сюжетомъ для своей піески и на которой помѣшаны теперь чуть ли не всѣ *современные* крикуны изъ двигателей общественнаго мнѣнія... Золото, деньги, — главный конекъ нынѣшнихъ людей, и прекрасный полъ, увы! — пускается на аферы и спекуляціи и тоже толкуетъ о компаніяхъ и акціяхъ... Эти-то размножающіяся у насъ компаніи на акціяхъ и подали мысль [г. Львову] посмѣяться надъ аферною промышленностью современныхъ сребролюбцевъ, но онъ слабо воспользовался богатою канвою и въ своихъ сценахъ изъ современной жизни представилъ какую-то путаницу безъ дѣйствія; въ піескѣ нѣтъ вовсе женскихъ лицъ... Какіе-то спекулянты, изъ такъ-называемаго порядочнаго круга, затѣваютъ учредить компанію минеральныхъ водъ, открытыхъ въ имѣніи одного помѣщика; какъ будто дѣло и кленется у нихъ, но такъ какъ они ничего не понимаютъ въ затѣянномъ предпріятіи, то общество ихъ скоро разрушается и составленный уставъ уничтожается; въ піескѣ представленъ и помѣщикъ, и чиновникъ, и литераторъ, и какой-то стряпчій, который хитре всѣхъ и чуть было не воспользовался неопытностью своихъ компаньоновъ... Артистамъ не интересно было явиться въ такой піескѣ, а кажется они старались по возможности удержать ее отъ паденія.

Комедія (въ двухъ дѣйствіяхъ) г. Куликова: *Предразсудки противъ театра*, тоже небогатое приобрѣтеніе для репертуара русской сцены. Она потому только могла возбудить вниманіе, что содержаніе ея заимствовано изъ исторіи основанія русскаго театра. Извѣстно, что основателемъ перваго русскаго театра былъ молодой энергическій Ярославецъ, Федоръ

Григорьевичъ Волковъ (г. Максимовъ 1-й). Живя еще въ Ярославѣ, въ домѣ вотчина своего, кожевеннаго фабриканта Подушкина (г. Чернышевъ), и матери Марѣ Романовой (г-жа Сабурова), Волковъ собралъ нѣсколько любителей сценическихъ представлений, въ томъ числѣ Нарыкова (г. Шемяевъ)— впоследствии знаменитаго Дмитревскаго; онъ приготовлялъ ихъ самъ въ актеры, для чего устроилъ театръ въ сараѣ своего вотчина и давалъ представленія... Но такъ какъ Волковъ имѣлъ много враговъ, потому что писалъ на нѣкоторыхъ именитыхъ лицъ колкія эпиграммы, то они и возстали противъ него; кому-жъ, сынъ (г. Бурдигъ) какого-то надменнаго помѣщика, считая красиваго Нарыкова дѣвушкой (такъ какъ Нарыковъ исполнялъ женскія роли), сталъ ухаживать за нимъ и объ этомъ разнеслась молва по всему городу... Враги стали говорить, что Волковъ занимается бѣсовскими колдованіями и сманиваетъ боярскихъ дѣтей въ свою адскую труппу; слухи росли и превращались въ самыя пелѣны басни... Надменный помѣщикъ вступился за своего сына и, узнавъ, зачѣмъ онъ ходитъ въ театръ Волкова, подалъ на содержателя жалобу комиссару; его сторону держалъ тупоумный подъячій (г. Зубровъ), которому хотѣлось попользоваться взяткою съ помѣщика, но, видя со-стороны Волкова противодѣйствіе, донесъ на него тому же комиссару... И вотъ въ театръ Волкова, когда онъ готовился дать представленіе, врывается полиція и, по составленному декрету, готова закрыть новый разсадникъ русскаго драматическаго искусства. Но, къ счастью Волкова, въ этотъ же день пріѣхалъ въ Ярославль князь-наместникъ и, услышавъ о пренескахъ недоброжелателей Волкова, котораго онъ зналъ лично и любилъ за его благородное предпріятіе, является въ театръ въ эту критическую минуту и объявляетъ Волкову монаршую милость за учрежденіе театра, говоря, что Императрица одобряетъ его намѣреніе и дозволяетъ ему перевести свою труппу въ столицу... Комедія оканчивается торжествомъ Волкова, который заключаетъ послѣднюю сцену монологомъ, предсказывая будущую судьбу русскаго театра и въ особенности русскаго комедіи. Монологъ этотъ возбудилъ рукоплесканія; въ немъ сказано много словъ, примѣнимыхъ и къ нынѣшнему состоянію сценическаго искусства... Большихъ ролей въ этой пьесѣ нѣтъ; лучшая изъ нихъ роль Волкова, которую г. Максимовъ съ любовью представилъ: она же сродни ему и такъ близка его артистическому призванію. Монологъ много выигралъ въ чтеніи г. Максимова... Г. Зубровъ характерно олицетворилъ крючковаго подъячаго, толкующаго о зловредности гласныхъ обвиненій, потому что они мѣшаютъ ему плутовать въ судебныхъ дѣлахъ; артистъ вѣрно гримировался и типически обрисовалъ эту опасную въ свое время личность, дополнивъ мысль автора самыми утонченными вѣрыми приемами и жестами.—Г. Бурдигъ, въ роли сына помѣщика Антоши, нѣсколько напоминалъ фон-визинскаго Митрофанушку; онъ забавенъ былъ въ ту минуту, когда Антоша заигрывалъ съ Нарыковымъ и упрямивалъ одного изъ актеровъ спрятать его за кулисами.—Гг. Чернышевъ, Шемяевъ, г-жи Аниская, Воронова и Сабурова, на мѣстѣ были въ своихъ начальныхъ роляхъ. По окончаніи автора вызвали.

Самую лучшую новостью въ бенефисъ г. Максимова 1-го была одноактная новая комедія (тоже г. Куликова): *Странный закладъ*. И содержаніемъ, и превосходнымъ исполненіемъ, и легкимъ языкомъ пьесы заслужила общее одобреніе: автора вызвали единодушно. Содержаніе очень простое. Графиня Лирская (г-жа Сибткова 3-я) равнодушна къ сосѣду сво-

ему, князю Бѣльскому (г. Максимовъ 1-й), и, умышленно выронивъ однажды книгу чрезъ окно, когда онъ проходилъ, сама доставляетъ случай ему войти къ ней и познакомиться. Князь также влюбленъ... Но во время разговора заводится споръ, кто въ кого влюбится прежде, и по этому случаю назначается пари... Князь такъ ловко повелъ дѣло, при помощи швеи (г-жа Шубертъ), что графиня первая призналась въ любви и пари выиграно княземъ.—Г-жа Сибткова очень свободно и съ большою правдою вела разговоръ съ княземъ: безпокойная любовь графини, замѣшательство ея предъ швеею, которая вдругъ смекнула, что промахивается съ барынею, нерѣшительность—принимать ли князя въ другой и третій разъ въ продолженіе одного дня, наконецъ признаніе въ любви,— все это передано г-жею Сибтковою артистически-сознательно, безъ натяжки, безъ усилій подражанія... Эта роль высоко поставила артистку въ міѣи публики; это новый опытъ, который удался ей съ большимъ торжествомъ... и публика вполне раздѣлила торжество г-жи Сибтковой общими вызовами и привѣтствіями. Г. Максимовъ много содѣйствовалъ успѣху пьесы своею натуральною игрою... Г-жа Шубертъ мастерски исполнила роль ловкой, плутоватой швеи, которая рельефно выдвинулась въ пьесѣ собственно ради отличной игры артистки. Г-жу Шубертъ осыпали рукоплесканіями за эту роль.

Сцену изъ Евгения Онѣгина исполнили г-жа Владимірова и г. Максимовъ 1-й. Г-жа Владимірова показала много старанія въ роли княгини Татьяны, манеры ея отвѣчаютъ роли княгини, но недоставало коллаго одушевленія. Г. Максимовъ давно уже извѣстенъ публикѣ въ роли Онѣгина, которую онъ передаетъ со всѣми оттѣнками житейской дѣйствительности. — Заключительный водевиль: *Пріездъ жениха*,—пѣчто въ родѣ дивертисмента (изъ купческаго быта) съ танцами, въ которыхъ пренеслась бойкая, восторженная г-жа Кошева съ большою ловкостью; танцовщица эта полна огня и увѣченія въ характерныхъ танцахъ, а въ особенности въ томъ, который она протанцовала въ названномъ водевилѣ...

Были также танцы въ антрактахъ: опять та же г-жа Кошева съ г. Кшесинскимъ отлично протанцовали національный польскій танецъ *Оберекъ* (мазурка): можно было подумать, что природная Польша танцевала его... Нужно ли прибавить, какъ танцуетъ мазурку г. Кшесинскій. Съ большимъ оживленіемъ и легкостью протанцовала г-жа Лядова съ г. Ивановымъ *Valse styrienne*.

Въ другомъ антрактѣ пѣли — г. Васильевъ, г. Мео и г-жа Кохъ (*).

Театръ былъ совершенно полонъ.

п. шпилевскій.

Въ бенефисъ г-на Мондидь (въ прошедшее воскресенье) давали комедію извѣстнаго фельетониста Жюль Леконта «*Le Luxe*» (роскошъ). Новая эта пьеса явилась въ первый разъ въ Парижѣ, въ ноябрѣ минувшаго года, но какъ тамъ, такъ

(*) Г. Васильевъ съ большимъ чувствомъ исполнилъ русскую пѣсню «Борода моя, бородашка», г-жа Кохъ съ г-мъ Мео съ оживленіемъ исполнили дуэтъ изъ *Любовнаго напутка*. Г-жа Кохъ, чрезвычайно симпатичная молодая пѣвица, все дѣлаетъ успѣхи и общается много. Голосъ ея пріятенъ и гибокъ, она поетъ съ чувствомъ, фразируетъ хорошо, но ей нужно еще заняться вокализацией и въ особенности поработать надъ трелью. Не сомнѣвается, что г-жа Кохъ будетъ продолжать трудиться съ тою любовью къ искусству, съ которою начала свое артистическое поприще. Г. Богдановъ исполнилъ англійскій танецъ, который долженъ былъ, по общему требованію, повторить. М. Р.

и у насъ, особеннаго успѣха не имѣла. Между-тѣмъ нельзя отказать ей во многихъ достоинствахъ: изящный языкъ, мѣстами умъ, трогательныя ситѹаціи и естественность дѣйствія, взятаго изъ современной жизни общества, явно выказываютъ въ артистѣ талантъ, но причиною неуспѣха, вѣроятно, растянутость дѣйствія, незнаніе сцены и, главное, новизна сюжета. Какъ увидимъ — это только новая варіація на одну и ту же тему и, слѣдовательно, произведеніе г. Лекомта имѣетъ болѣе литературное, чѣмъ сценическое достоинство. Притомъ большинство публики гонится болѣе за эффектами, чѣмъ за дѣйствительностію, и *Бирюльки демона* многимъ гораздо-интереснѣе, чѣмъ пожалуй даже одно изъ лучшихъ произведеній Скриба, — доказательство, что *Бирюльки* не сходятъ съ афиши и даются постоянно съ успѣхомъ (мы этого никакъ не ожидали и предполагали, что пьеса эта не долго удержится въ репертуарѣ; увы, ошиблись: видно, что именно въ такомъ родѣ произведеній нуждается большинство), а въ бенефисѣ господина Мондидье было далеко не полно, потому что афиша составлена была скромно. Извольте же требовать отъ артиста скромности въ составленіи своихъ бенефисныхъ спектаклей; невольно долженъ онъ прибѣгнуть къ пьесамъ съ десятью и пожалуй двадцатью картинами, съ чудовищными названіями; невольно долженъ онъ заботиться о дивертисментѣ и т. п. — таковъ ужъ современный вкусъ! По возвратимся къ новой пьесѣ: главная мысль, послужившая основаніемъ сюжета, заключается опять въ томъ, что слѣдуетъ жить по своему состоянію, что не слѣдуетъ садиться не въ свои сани и что честный трудъ выше всего. Г-жа Морель, жена честнаго, трудолюбиваго чиновника, давъ болѣе блистательное, чѣмъ основательное воспитаніе одной изъ своихъ дочерей, во что бы то ни стало хочетъ окружить ее роскошью; чтобъ казаться богатой, она рвется въ высшій кругъ, отправляется съ ней на воды, гдѣ живетъ, какъ говорится, *en grand*. Этой тактикой она надѣется найти для любимой дочери блестящую партію. Богатый иностранецъ дѣйствительно влюбляется въ нее, но въ свою очередь его любитъ знатная дама. Молодая дѣвушка должна выдержать съ ней борьбу. Мать поддерживаетъ эту борьбу и конечно знатная дама находитъ возможность окопирометировать молодую дѣвушку. Подобная жизнь ведетъ къ долгамъ и часто безчестію. Морель, занятый своими дѣлами, слѣпо вѣритъ своей женѣ, но наконецъ все открывается; — они раззорены, имѣніе ихъ должно быть описано, доброе имя молодой дѣвушки (благодаря продѣлкамъ дамы) виситъ на одномъ волоскѣ и въ довершеніе всего несчастный отецъ подверженъ опаснѣйшему соблазну: при рѣшеніи одного важнаго дѣла ему предлагаютъ значительную взятку, онъ можетъ спасти свою семью, но долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишиться и чести; — опять борьба, честь беретъ свое и вообще дѣло кончается благополучно. Въ подробности сюжета не входимъ, мы хотѣли только показать, въ чемъ заключается главное основаніе пьесы и, какъ видите, это сильное подражаніе давно уже извѣстной вамъ драмѣ «Бѣдная львица». Въ пьесѣ г. Лекомта болѣе приличія, но въ той гораздо рельефнѣе обработана та же самая мысль, притомъ *Бѣдная львица* гораздо эффектнѣе и явно обличаютъ въ авторахъ больше сценическаго навыка, чѣмъ у г. Лекомта, у котораго дѣйствіе, въ особенности въ первомъ дѣйствіи, растянуто и конечно мѣстами, даже довольно-часто, навѣваетъ на зрителя скуку. Вотъ почему «Le Luxe» не могъ имѣть успѣха; хотя это и довольно-удачное подражаніе, но все-таки подражаніе. Какъ бы себѣ ни было, а

по-нашему пріятнѣе и поучительнѣе смотрѣть пьесу г. Лекомта, чѣмъ «Bibelots», но у всякаго свой вкусъ и большинство не убѣдишь ничѣмъ. Нельзя тоже сказать, что новая пьеса была разыграна съ особеннымъ ансамблемъ. Лучше всего былъ г-нъ Бертонъ, представившій необыкновенно-тишечно дѣловаго человѣка съ сомнительнымъ направленіемъ. Интригантъ и соблазнитель честнаго Мореля. Отличный нашъ артистъ былъ превосходенъ, что доказываетъ разнообразіе его гибкаго таланта. Мы привыкли видѣть его обыкновенно въ роляхъ *jeune premier*; созданный имъ типъ, въ прошедшее воскресенье, новостъ для насъ и дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести артисту, что созданъ былъ мастерски. Г-жа Волинскъ необыкновенно была превосходна въ роли матери. Г. Мондидье (въ роли Мореля) игралъ спокойнѣе обыкновеннаго, онъ не рассчитывалъ на мелодраматическіе эффекты и конечно выигралъ отъ этого. Г. Поль Бондуа игралъ съ увлеченіемъ. Г-жа Роже-Солье хороша была въ роли знатной дамы, другія женскія роли не совсѣмъ насъ удовлетворили: г-жа Луиза Мейеръ въ этой пьесѣ показала намъ нѣсколько холодной, а г-жѣ Терикъ, какъ мы думаемъ, не очень идетъ амбула наивныхъ дѣвушекъ. Въ пьесѣ принимали еще участіе гг. Дешанъ, Варле, Тетаръ, Пешна и др. Одинъ изъ артистовъ не совсѣмъ твердо зналъ свою роль и часто прибѣгалъ къ помощи суфлера, но это можетъ случиться съ каждымъ и не упоминаемъ его имени. Другія пьесы, вошедшія въ составъ бенефиса г. Мондидье, возобновлены и давнѣе извѣстны публикѣ. Въ особенности благодаримъ бенефицианта за возобновленіе остроумной, веселой комедіи Скриба «La Chanoinesse» (Дѣвица-отшельница), превосходно разыгранной г-жами Лемениль и Мейеръ и г-дами Бондуа и Мондидье. Затѣмъ шелъ веселый водевилъ «Les gardes du Roi de Siam» (Женщины-гвардейцы), въ которомъ такъ забавны г-жа и г-нъ Лемениль и г-жа Мила.

Въ среду состоялся въ Театрѣ-Циркѣ дебютъ трехъ карликовъ. Это въ своемъ родѣ замѣчательное своею оригинальнію явленіе, хотя и исключительное въ искусствѣ, но не безъ интереса. Микроконическіе артисты имѣли успѣхъ; театръ былъ полонъ. Подробности поговоримъ въ слѣдующемъ номерѣ.

М. РАППАПОРТЪ.

Р. S. Мы сейчасъ получили извѣстіе, что г-жа Леонова, отправившаяся на мѣсяцъ въ Москву, дебютировала въ среду съ громаднымъ успѣхомъ въ «Жизни за Царя. За тѣмъ она должна явиться въ «Русалкѣ» и «Трубадурѣ».

Бенефисъ г. Ландфохта, 17 января.

Донъ-Карлосъ, трагедія Шиллера. — Андія Томсонъ.

Отъ времени до времени Пѣмецкая наша труппа возобновляетъ нѣкоторые изъ старыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно-юныхъ трагедій Шиллера. Недавно еще промелькнули *Марія Стюартъ* и *Дѣва Орлеанская*; теперь въ свою очередь явился *Донъ-Карлосъ* послѣ семнадцатилѣтняго отсутствія въ Петербургѣ.

Рецензенту предстоитъ трудная обязанность сказать что-нибудь о бенефисѣ г. Ландфохта: говорить-ли подробно о самой трагедіи, какъ пьеса для насъ новой, или преимущественно заняться нынѣшней ея обстановкой?... то и другое кажется мнѣ крайне неумѣстнымъ въ бѣгомъ газетномъ отчетѣ, потому что распространяться слѣдуетъ только о предметахъ — или слишкомъ хорошихъ, или слишкомъ новыхъ. Но какъ въ Петербургѣ *Донъ-Карлосъ* въ послѣдній разъ

дашь быть въ 1842 году, что одинъ только разъ, по случаю прїѣзда трагическаго актѣра Кунста, игравшаго роль маркиза Поса (принцессу Эболи играла прелестная Анла Лѣве, Филиппа II—старикъ Моръ, самаго-же инфанта—какой-то г. Мюллеръ), то относительная для насъ, *мѣстная* повизна этой трагедіи все-таки важнѣе другаго чего, и потому рѣшаюсь высказать о ней двѣ три независимыя мысли.

Безъ всякихъ обиняковъ, безъ всякой пощады для безусловныхъ обожателей Шиллера, скажу, что онаникогда мнѣ не правилась—ни въ чтеніи, ни на сценѣ, хотя впрочемъ и велемудрые Нѣмецкіе критики начали понимать простую истину, давно веѣмъ другимъ извѣстную, именно: что хорошо то драматическое произведеніе, которое хорошо на сценѣ; что пїесы, для сцены не годившіяся, не цмѣютъ ничего общаго съ искусствомъ драматическимъ. Я не намѣренъ увѣрять въ чемъ-либо подобномъ касательно Шиллера, пїесы котораго всегда будутъ представляемы съ успѣхомъ, потому что онѣ, сверхъ глубокой *честности* въ поэтическихъ замыслахъ, сверхъ пламенной поэзіи и превосходящійшаго языка, основаны на дѣйствительно-сценическихъ требованіяхъ и на театрѣ производятъ потрясающее впечатлѣніе; но всѣ эти пїесы безъ исключенія, какъ выражаются поклонники Шиллера,—*субъективны, идеальны* и т. п. Не вдаваясь въ обстоятельное изложеніе этихъ не туманныхъ, но затуманенныхъ Нѣмцами понятій, скажу, что каждая такъ-называемая идеальная или субъективная пїеса представляетъ не жизнь дѣйствительную, а какую-то болѣе или менѣе лирическую фантазмагорію въ формѣ драмы, проще говоря—небывальщину, ложь! и къ такому субъективному, ложному роду принадлежать всѣ произведенія Германскаго театра, не исключая даже пресловутаго *Фауста*, въ которомъ отразились не поминки Среднихъ вѣковъ, а только самъ Гете и современное ему болѣзненное мудрствованіе. Разумѣется, что гениальнѣе всѣхъ Нѣмецкихъ драматурговъ и едва-ли не по тому самому субъективнѣе, т. е. *ложнѣе* всѣхъ,—Шиллеръ, а изъ всѣхъ его трагедій самая ложная—*Донъ-Карлосъ*. Въ защиту ея противъ одной только части нападеній современниковъ своихъ Шиллеръ написалъ цѣлый рядъ писемъ и побѣда осталась не за нимъ! понятно послѣ того, что эта субъективная трагедія, эта гениальная чепуха кажется еще страннѣе Англичанамъ, Французамъ, Итальянцамъ, Испанцамъ, у которыхъ всѣхъ есть свой театръ, дышашій здоровой, дѣйствительной жизнью; насъ даже Русскихъ, у которыхъ по моему мнѣнію, нѣтъ еще народной, самобытной и притомъ серьезной сцены, не могли сбить съ толку субъективныя понозновенія нѣкоторыхъ выродившихся, огерманившихся поэтовъ!

Всѣмъ *Донъ-Карлосъ* созданъ Шиллеромъ для того, чтобы въ вымышленномъ лицѣ Поса высказать собственное свое воззрѣніе на политику вообще и дѣла государственныя; Шиллеръ избралъ эпоху раздробленія всесвѣтной Испанской державы при Филиппѣ II, но вмѣсто живой тогдашней исторіи представилъ идеальную фантазмагорію изъ главныхъ положеній и лицъ *Гамлета* и *Федры*; все это разлетѣлось-бы въ пухъ и прахъ, еслибы не было связано интересомъ, который возбуждаетъ и поддерживаетъ въ зрителѣ маркизъ Поса. Въ этомъ вымышленномъ лицѣ гораздо болѣе правды, чѣмъ въ лицахъ историческихъ, идеализированныхъ (по-моему—обезображенныхъ) Шиллеромъ: въ Посѣ—самъ Шиллеръ съ своимъ чистымъ, человѣческимъ, хотя несбыточнымъ стремленіемъ примирить два враждебныя въ исторіи начала. Шиллеровскій Гораціо или маркизъ Поса затмѣваетъ самого Кар-

лоса, этого ослабленнаго, почти смѣшнаго Гамлета! Настоящій, историческій Филиппъ II замѣщенъ безцвѣтнымъ подражаніемъ королю Клавдію, который, сверхъ того, ревнуетъ своего сына къ молодой королевѣ Елизаветѣ и съ Посою резонерствуетъ о вещахъ, резонерству не подлежащихъ, особенно тамъ, гдѣ дѣйствуютъ люди въ родѣ герцога Альбы. Съ своей стороны, Елизавета далеко уступаетъ пламенной Федрѣ, потому что, вмѣсто истинно женской, необузданной страсти, питается къ несчастному пасынку едва-ли не материнское только состраданіе, приличное Шекспировой Гертрудѣ, но не влюбленной мачихѣ, которая должна интересоваться зрителя. Простенькая Офелія превратилась въ интригантку Эболи, соблазняющую и Гамлета, и Гораціо, и короля; впрочемъ послѣдняя сцена ея съ Федрой-Гертрудой кажется мнѣ самымъ удачнымъ моментомъ изъ всей трагедіи. Всѣ прочія, будто историческія лица, начиная съ герцога Альбы вплоть до королевскихъ нажей, ровню ничего не начинаютъ: какой-нибудь чудакъ Альфieri обошелся бы и безъ нихъ!

Прежде чѣмъ похвалю хорошенькую миссъ Лидію Томеонъ, приводящую въ восторгъ веселую публику истинно-веселымъ исполненіемъ полу-балетныхъ ролей своихъ, не могу не упомянуть о талантливой артисткѣ г-жѣ Шенгофъ, весьма удовлетворительно исполнившей трудную роль королевы Елизаветы.

К. ЗВАНЦОВЪ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Слухи о концертахъ сезоновъ.—Благотворительный спектакль.—Прощальный бенефисъ г-жи Самойловой.—Актёры-лишнупуты.—Бракосочетаніе двухъ артистовъ.—Театральные прощессы.—Парижскіе театры.—Музыкальныя извѣстія.—Русскіе за границей.—Анекдотъ.—Концертъ въ школѣ кантонистовъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

Еще мѣсяцъ съ небольшимъ и Петербургомъ овладѣетъ болѣзнь, періодически посѣщающая его ежегодно. Болѣзнь эта — концертманія. Десятки виртуозовъ, иностранцевъ и домароженцевъ, знаменитыхъ и чающихъ знаменитости, виртуозовъ, достойныхъ этого имени, и виртуозовъ en herbe, запоютъ, заиграютъ и затрубятъ на всѣхъ извѣстныхъ музыкальному міру инструментахъ, во всѣхъ углахъ и закоулкахъ нашего города, гдѣ есть сколько-нибудь помѣстительныя залы, способныя вмѣстить хоть сотню болѣе или менѣе благосклонныхъ слушателей.

Слухи о концертникахъ начинаютъ уже долетать до насъ на листкахъ журналовъ, въ письмахъ, по проволокамъ электрическаго телеграфа. Интереснѣе прочихъ слухъ о прїѣздѣ къ намъ знаменитаго Боттезини, того удивительнаго музыканта, который поставилъ недавно въ Миланѣ оперу «Демонъ ночи», не дающей, говорятъ, спать трескучему гению пресловутаго маэстро Верди,—того самаго Боттезини, который играетъ на контрабасѣ, этомъ неуклюжемъ, громоздкомъ и съ-виду не музыкальномъ инструментѣ, какъ Паганини игралъ на скрипкѣ. Слухъ этотъ прилетѣлъ къ намъ изъ-за кулисъ нашей Итальянской оперы: одинъ изъ итальянскихъ артистовъ увѣрилъ насъ, что Боттезини имѣетъ рѣшительное намѣреніе прїѣхать пылѣющимъ постомъ въ Петербургъ.

«С. Петербургскія вѣдомости», получающіе обыкновенно достоверныя свѣдѣнія, сообщаютъ слухи о прїѣздѣ еще нѣсколькихъ знаменитостей. Вотъ что, между прочимъ, прочли мы въ этой газетѣ.

«Носятся слухи о пианистахъ, Приданѣй, Литольфѣ, Горіа, Веле, о берлинскомъ скрипачѣ Лаубе и знаменитостяхъ раз-

ныхъ классовъ; иностранные музыкальные журналы тоже называютъ кое-кого, но все это пока догадки. Въ ожиданіи болѣе положительныхъ свѣдѣній объ артистахъ, ѣдущихъ къ намъ, сообщимъ пока свѣдѣнія объ артистѣ, уѣхавшемъ отъ насъ и имѣющемъ теперь въ Германіи замѣчательный успѣхъ. Мы уже упоминали какъ-то о композиторѣ Фогтѣ, проводившемъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и отправившемся за границу. Въ настоящее время мы то-и-дѣло встрѣчаемъ извѣстія о постоянно-возрастающемъ успѣхѣ его ораторіи «Воскресеніе Лазаря». Говорятъ, что послѣ Мендельсона, въ Германіи, ни одно изъ подобныхъ произведеній не производило такого впечатлѣнія, какъ ораторія Фогта. Поощренный этимъ успѣхомъ, композиторъ собирается въ Парижъ и Лондонъ, чтобы представить свое произведеніе на оцѣнку французской и англійской публики. Что-то скажутъ Парижъ и Лондонъ, а нѣмецкіе музыкальные журналы весьма-лестно отзываються о произведеніи г. Фогта.»

Въ прошедшій четвергъ былъ назначенъ чрезвычайно-интересный благотворительный спектакль; любительницы и любители играли, съ Высочайшаго соизволенія, въ пользу частныхъ школъ Санктпетербургскаго женскаго патріотическаго общества. Для этого спектакля были выбраны двѣ піесы: «На балѣ», картина изъ свѣтской жизни, соч. графа Фредро, и «Le Domino noir», опера Скриба, музыка Обера, передѣланная въ два акта. Въ первой піесѣ участвовали: г-жа Мичуринна, урожденная Самойлова и графъ Фредро, во второй — г-жи Кочетова, Лешетицкая, графъ Фредро, Н. Лаблашъ и г. Кудюра. Музыкой управлялъ г. Лешетицкій. Намъ самимъ не удалось быть въ этомъ интересномъ спектаклѣ, но мы надѣемся получить подробныя о немъ свѣдѣнія отъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ.

Много толковъ возбуждаетъ предстоящій бенефисъ госпожи Самойловой; говорятъ, что это будетъ прощальный ея бенефисъ. Въ послѣднее время госпожа Самойлова появлялась на сценѣ довольно-рѣдко, отчасти оттого, что во время отсутствія ея за границу молодыя актрисы заняли нѣкоторыя роли ея амплуа, отчасти же вслѣдствіе довольно-рѣзкаго и крутаго переворота во вкусѣ публики, охладѣвшей къ водевилю, въ которомъ госпожа Самойлова блистала на первомъ мѣстѣ; потеря ея была бы очень чувствительна для нашей сцены. Г-жу Самойлову едва ли скоро можно будетъ замѣнить.

Изъ числа новыхъ піесъ, которыя готовятся къ этому представленію, намъ извѣстенъ только одинъ водевиль, очень-ловко передѣланный съ французскаго г. Куликовымъ. Г. Куликовъ долго былъ режиссеромъ русской труппы, коротко знакомъ со всѣми особенностями дарованія госпожи Самойловой, знаетъ всѣ сценическія уловки, знаетъ вкусъ публики и потому можно заранѣе предсказать, что водевиль его будетъ имѣть большой успѣхъ. Всѣ небольшія піески, которыя онъ писалъ именно для госпожи Самойловой, ругаются за справедливость нашего предсказанія. Вспомните хоть «Бѣдовую дѣвушку», «Цыганку» и т. п. Оставивъ въ сторонѣ литературную сторону этихъ піесъ, нельзя не сознаться, что онъ далъ въ нихъ госпожѣ Самойловой много средствъ выказать игривость ея дарованія и ловко поддѣлался подъ вкусъ большинства публики. Успѣху новаго его водевиля, отличающагося тѣмъ же достоинствомъ, очень-много будетъ еще содѣйствовать то, что его дадутъ въ бенефисъ любимой публикою артистки. Слышали мы также, что пойдетъ первое дѣйствіе оперетки «Дочь полка».

Нѣмецкій театръ, рѣдко-собирающій многочисленную пу-

блику, вошелъ, въ нынѣшнемъ году, въ моду, благодаря *го-стямъ*, посѣщающимъ его сцену. Олриджъ, какъ извѣстно, наполнилъ залу сверху до низу и заставилъ познакомиться съ нѣмецкою труппою множество такихъ лицъ, которыя не имѣли до него никакого о ней понятія. Теперь, какъ кажется, будутъ привлекать въ нѣмецкій театръ три карлика, надѣлавшіе много шума въ Германіи и недавно пріѣхавшіе къ намъ. Они привезли съ собой цѣлый репертуаръ піесъ, нарочно для нихъ написанныхъ. Огъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ: послѣ Олриджа карлики!

Въ прошедшую среду, т. е. въ день, назначенный для ихъ перваго дебюта, въ театральномъ кружкѣ совершилось событіе, очень-обыкновенное въ нашемъ обществѣ, но не совсѣмъ обыкновенное въ театрѣ. Артисты и артистки почти ежедневно женятся и выходятъ за-мужъ на сценѣ; по вѣи сцены это не такъ часто случается. Въ прошедшую среду была свадьба даровитой и хорошенькой госпожи Лядовой; она вышла за-мужъ за г. Иванова, одного изъ лучшихъ на; шихъ танцовщиковъ.

Въ парижскомъ театральномъ мірѣ мало новостей, за то много процессовъ.

Директоръ Нѣмецкаго театра, присутствовавшій при представленіи «Сандрильоны» въ театрѣ Gymnase Dramatique, замѣтилъ вслухъ, что піеса очень-похожа на одну изъ комедій Тѣпфера. Журналъ «Фигаро» поспѣшилъ внести это заключеніе въ свои столбцы, обѣщая читателямъ скандалъ. Онъ, впрочемъ, не назвалъ ни театра, ни піесы. Несмотря на это, г. Барьеръ, авторъ «Сандрильоны», неповинный ни въ какихъ подражаніяхъ иностраннымъ писателямъ, объявилъ себя оскорбленнымъ и потребовалъ судебнаго удовлетворенія. Но тутъ-то «Фигаро» и показалъ всю свою хитрость. Онъ уговорилъ, говорятъ, двухъ или трехъ писателей, піесы которыхъ играютъ, въ настоящее время, на парижскихъ сценахъ, также подать жалобы въ судъ и жаловаться на то же самое, на что жалуется и г. Барьеръ. Такъ-какъ Тѣпферъ написалъ до сотни піесъ, то пайги основанія для этихъ жалобъ не трудно: какое-нибудь сходство итцы навѣрное отыщутъ. Все это очень-замысловато; по врядъ ли судъ будетъ на сторонѣ весельчака «Фигаро».

Процессъ г. Скриба съ журналомъ «Шаривари» скоро будетъ конченъ. Журналъ смѣлся надъ знаменитымъ академикомъ, обвиняя его за скупость, съ которою онъ платитъ художникамъ, отдѣлывающимъ его домъ; г. Скрибъ счелъ эти насмѣшки оскорбительными и подалъ жалобу. Никто не сомнѣвается, что приговоръ, который объявится черезъ недѣлю, будетъ въ пользу академика.

Въ театрахъ же, какъ мы уже сказали, мало новаго: они отдыхаютъ на лаврахъ. Впрочемъ, во «Французскомъ Театрѣ» готовятъ новый водевиль безъ куплетовъ, г. Скриба, подъ названіемъ «Мечты любви», и новую піесу г. Жѣма. Комедію г. Леона Лайа Французскій Театръ не принялъ, за то «Gymnase» вырвалъ ее у него чуть не руками и уже ставитъ на сцену. Новый директоръ Водевиля, г. Луи Люринъ, собирается ознаменовать свое вступленіе въ должность тремя одноактными піесами, которыя будутъ даны въ одинъ и тотъ же вечеръ; піесы эти: «Салонные актеры» г. де Курселя, «Порывъ вѣтра» г. Эдуарда Плувье и «Парадоксъ» г. Феликса Солара. Послѣднія изъ этихъ комедій, нанечатанная лѣтъ десять тому назадъ въ Revue de Paris, обставляется съ особеннымъ тщаніемъ; въ ней будутъ играть лучшіе артисты Водевиля: гг. Лафонтенъ, Феликсъ и г-жа Фаргѣль. Ита-

ліяппи возобновили «Эриани», а Комическая Опера «Квентинъ-Дорварда» съ новой обстановкой.

Въ Одеонѣ ждуть дебюта госпожи Анны де Боннъ въ роли Ифигеніи; дебютантка была прежде въ кордебалетѣ Комической Оперы; говорить, что у нея чрезвычайно замѣчательный талантъ.

Лія Феликсъ, сестра Рашели, имѣла громаднѣйшій успѣхъ въ «Ричардѣ д'Арлингтонѣ», на сценѣ театра у Сентъ-Мартенскихъ воротъ. Всѣ журналы отъ нея въ восторгѣ; нѣкоторые говорятъ даже, что она обѣщаетъ воскресить въ себѣ великую сестру свою! Неужели это правда? Дай-то Богъ!

Недавно было первое музыкальное утро «Общества молодыхъ артистовъ». Исполнили: увертюру Фетиса, директора брюссельской Консерваторіи; хоръ геніевъ изъ «Оберона», увертюру изъ «Анакреона», хоръ XV вѣка безъ имени автора, *Пасторальную симфонію* Бетховена. Сверхъ того г. Сентонъ, ученикъ Вьетана, принадлежащій къ музыкальной капеллѣ королевы Англіійской, исполнилъ концертъ Мендельсона и фантазію собственнаго сочиненія. Г. Сентонъ обѣщаетъ занять видное мѣсто въ ряду лучшихъ скрипачей нашего времени.

Классическая музыка въ большомъ теперь ходу въ Парижѣ, даже люди свѣтскіе ею занимаются; трудно быдо-бы перечислить всѣ вечера, на которыхъ исполняется любителями музыка Моцарта, Глука, Бетховена, Баха и др.

Ну а что дѣлается въ парижскомъ большомъ свѣтѣ? Въ немъ есть всего понемножку и очень много Русскихъ, великолѣпные праздники которыхъ затмѣваютъ всѣ прочіе. Вотъ имена русскихъ дамъ, о балахъ которыхъ упоминаютъ французскіе журналы: графиня (?) Кайсарова, графиня Киселева, княгиня Марія Голицына, княгиня Трубецкая.

Впрочемъ, гдѣ теперь не встрѣтишь Русскихъ? Русскія имена встрѣчаются въ иностранныхъ журналахъ безпрестанно. Недавно пришлось намъ читать списокъ участвующихъ въ благотворительной лотерей, которая устроивается въ Ниццѣ; и въ этомъ списокѣ много русскихъ именъ: графиня Сухозанетъ, г-жа Безобразова, г-жа Барклай де Толли, графиня Вѣра Г.—ужь вѣрно Русская, сверхъ того дама, подписавшаяся просто *une Russe*.

Кстати объ Ниццѣ и о благотворительной лотерей. Альфонсъ Карръ, живущій теперь въ Ниццѣ и тамъ пишущій своихъ «Осъ», рассказываетъ очень забавный анекдотъ, который, хотя и не имѣетъ художественнаго значенія, будетъ однакоже не лишнимъ въ нашемъ журналѣ, потому что читатели наши узнаютъ въ немъ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ.

Къ одному богачу, проживающему въ Ниццѣ, также пришли съ лотерейнымъ спискомъ.

— Я думалъ, сказалъ ему пришедшій, что оскорбилъ бы одного изъ богатѣйшихъ людей, еслибъ...

— Богатѣйшихъ... богатѣйшихъ! Еслибъ я давалъ всѣмъ, кто у меня проситъ, то давно уже обнищалъ бы.

— Конечно, я согласенъ, что надо дѣлать благодѣнія съ осмотрительностію и что тотъ, кто дѣлаетъ добро кстати, дѣлаетъ его вдвойнѣ... по настоящее обстоятельство...

— Право я ничего не могу дать... Я купилъ на-дняхъ домъ, который мнѣ очень дорого стоилъ.

— Но этотъ домъ еще болѣе обогатитъ васъ... ваша извѣстная опытность въ дѣлахъ не позволяетъ предполагать, чтобы вы поступили въ этомъ дѣлѣ легкомысленно.

— Дуракъ Х*** не хотѣлъ дать за домъ 60,000 франковъ,

а я далъ 100,000 и могъ-бы получить вдвое, еслибъ вздумалъ перепродать.

— Не падо упускать этого случая. Вамъ удалось сдѣлать выгодное дѣло, удѣлите-же частицу вашихъ выгодъ бѣднымъ.

— Да мнѣ еще пришлось сдѣлать кое-какія поправки въ другомъ моемъ домѣ.

— Въ томъ, который нанимаетъ богатый Англичанинъ?

— Да... я пристроилъ сарай и конюшни.

— За которые вамъ платятъ?

— Еще-бы!... Безъ дерестроекъ ни на минуту! Вонъ и къ тому дому пристроилъ второй этажъ.

— Такъ дайте-же бѣднымъ... Это принесетъ счастье вашимъ постройкамъ.

— Опять денегъ!.. А развѣ вы думаете, что мнѣ даромъ достался виноградникъ, который я купилъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ?

— Пожертвуйте... и Господь благословитъ вашъ виноградникъ.

— Все теперь такъ дорого. Знаете-ли, что мнѣ стоятъ лошади? Вы думаете, что дешево стоитъ прокормить ихъ?

— Да вѣдь я прошу у васъ только десять франковъ.

— Десятью десять франковъ составляетъ сто франковъ; десятью сто франковъ — тысячу; десятью тысячу франковъ составляетъ сумму, которую я заплатилъ за новый домъ... Да я забылъ еще, что жена хочетъ сдѣлать новыя ливреи слугамъ... Я открылъ передъ вами всѣ мои нужды: не настаивайте-же долѣе, право я ничего не могу дать.

Не правда-ли, читатели, что и между вашими знакомыми есть такіе господа? И не правда-ли, что эти господа такъ и просятся въ комедію?

Ш. Р.

Во вторникъ (12 января), по случаю испытанія кантонистовъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, данъ былъ весьма интересный концертъ, который самыми строгими судьями можетъ быть причисленъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ музыкальнаго міра. Цѣль подобнаго публичнаго концертата, чтобъ приучать воспитанниковъ школы къ публичности и выдвигать предъ публикой рельефно выдающіеся таланты ихъ, а талантами этими можетъ похвалиться стройно-составленный оркестръ Павловскаго полка; между воспитанниками его школы есть много начинающихъ и нѣсколько уже окрѣпшихъ и ясно выказавшихся талантовъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Павловскій полкъ во многихъ отношеніяхъ знаменательно отдѣляется въ составѣ нашей фешенебельной гвардіи. Самое общество офицеровъ отличается какимъ-то особеннымъ братствомъ и чисто-семейною, нераздѣльною дружбою, которая искренно скрѣпляетъ ихъ отношенія и развиваетъ чувство уваженія къ человѣчности не только въ каждомъ собратѣ, но и въ послѣднемъ подчиненномъ: отсюда эта человѣческая заботливость главнаго начальника и его помощниковъ о нравственномъ развитіи солдатъ и совершенствованіи малѣйшаго проблеска таланта въ каждомъ изъ этой меньшей братин; это доказывается тѣмъ начальственнымъ поощреніемъ музыкальныхъ талантовъ, какое оказывается тому или другому старательному флейстисту, солисту или скрипачу; отсюда то нравственное улучшеніе солдатъ, которое такъ рельефно сказывается въ общей организаціи всего Павловскаго полка. — При такой дружеской, семейной

жизни офицерского общества, очень понятно проявление в нем того стремления к благородным искусствам и наукам, которое отражается на отдельных его личностях: между офицерами этого полка есть люди, с любовью занимающиеся литературою, слѣдящіе за ходомъ ея и даже пишущіе для домашнихъ спектаклей; по-крайней-мѣрѣ намъ извѣстно, что на домашнихъ спектакляхъ Павловскаго полка исполнена съ успѣхомъ не одна пѣска, написанная лицами, принадлежащими къ тому же полку... А спектакли павловскіе сдѣлались извѣстными въ Петербургѣ еще съ прошедшей зимы и посѣщаются самымъ избраннымъ обществомъ (*).

Что же касается музыкальных способностей воспитанниковъ школы кантонистовъ Павловскаго полка, то ихъ нельзя не замѣтить на такихъ концертахъ, какимъ былъ концертъ 12 января. Главными дѣятелями концерта были унтеръ-офицеры: скрипачъ *Дорофеевъ* и флейтистъ *Лотаревъ*, обратившій вниманіе петербургской публики еще въ прошедшемъ году въ концертѣ Большаго Театра, данномъ въ пользу инвалидовъ. Программа павловскаго концерта и исполненіе его могутъ удивлительной увертюры изъ оперы Флотава: *Марта*, исполнено было, съ большимъ успѣхомъ, соло для корнетъ-истона и басъ-валторна; исполнителями явились ученики г. Тителя—*Андреевъ* 1-й и *Андреевъ* 2-й, обучающіеся всего восемь мѣсяцевъ. Затѣмъ слѣдовалъ концертъ для пяти скринокъ, сыгранный кантонистами: *Дорофеевымъ*, *Коптуленкомъ*, *Шалаевымъ*, *Литовченкомъ* и *Шестаковымъ*. Потомъ соло для флейты, исполненное *Лотаревымъ* съ замѣчательнымъ артистическимъ успѣхомъ, вызвавшемъ громкія рукоплесканія. Соло для кларнета сыгралъ *Лебедевъ*.—Унтеръ-офицеръ *Дорофеевъ* поразилъ слушателей своею пѣбною, вполне мастерскою игрою на скрипкѣ; это—артистъ въ полномъ смыслѣ, котораго замѣтили бы въ любомъ публичномъ концертѣ; нельзя не уважать начальство Павловскаго полка за доставленіе ему средствъ болѣе и болѣе совершенствоваться; заботливость начальства дотого доходитъ, что даже инструменты *Дорофееву* и *Лотареву*, въ видѣ награды, куплены очень-дѣшныя. Въ музыкальномъ отдѣлѣ приняли участіе и наставники кантонистовъ, гг. *Титель* и *Албрехтъ*. Нельзя было не остановиться также на стройно-подготовленныхъ хорахъ изъ пѣвчихъ Павловскаго полка, которые съ честью могли бы явиться на любой столичной сценѣ; особенно общее удивленіе возбудили хоры изъ оперъ: *Лукреція Боржіа* и *Трубадуръ* (*Miserere*); трудно было вѣрить, что это не артисты высшей образованной пѣвческой школы.

Въ концертѣ этомъ приняли участіе: извѣстная наша пѣвица г-жа *Леонова*, г. *Артемевскій* и ученикъ его г. *Волковъ*. Г-жа *Леонова*, какъ водится, осыпана была безчисленными аплодисментами и вызовами. Она съ замѣчательнымъ искусствомъ исполнила дуэтъ изъ *Трубадура* съ г. *Волковымъ*, артистъ этотъ рѣзко выдается изъ ряда обыкновенныхъ пѣвцовъ представляетъ собою вѣрный залогъ будущаго таланта: пѣніе его, какъ первый публичный дебютъ, вполне удалось. Кромѣ того, г-жа *Леонова*, вмѣстѣ съ тѣмъ же г. *Волковымъ*, и г. *Артемевскимъ* блистательно исполнили тріо изъ оперы *Лукре-*

(*) Заботливость начальства отражается также и на самомъ приютѣ полка, въ которомъ воспитываются мальчики и дѣвочки нижнихъ чиновъ Павловцевъ; въ день концерта была елка для дѣтей съ раздачею наградъ. Въ приютѣ заслуживаетъ вниманія методъ отчетливаго преподаванія, вытѣсненный рутинное заучиваніе уроковъ по книгамъ... Это—тоже услуга начальствующей особы, которая благословляется интимцами за материнскую заботливость объ нихъ.

ція-Боржіа. Спѣтый ею романсъ: *Не горюй, не тоскуй*, подъ прекрасную музыку даровитаго нашего композитора-любителя графа Гр. *Кушелева-Безбородко*, былъ довершеніемъ ея торжества, засвидѣтельствованнаго восторженными браво. Аккомпанировалъ г. *Вильбоа*. Въ заключеніе, хоръ пѣвчихъ исполнилъ знаменитый финалъ изъ «Жизни за Царя».

Концертъ Павловскаго полка оставилъ самое отрадное воспоминаніе въ слушателяхъ.

П. ШПИЛЕВСКІЙ.

КАРЛЪ-МАРІА ВЕБЕРЪ.

Блаза де Бюри.

(Продолженіе)

VII

Изъ Бреслава Веберъ перешелъ къ герцогу Евгению Виртембергскому, и находился на службѣ герцога въ его живописной резиденціи Карлеруэ, въ Силезіи, до-тѣхъ-поръ, пока политическія происшествія принудили августѣйшаго дилетанта распустить свою капеллу и театръ. Сдѣлавшись снова независимымъ, Веберъ объѣздилъ Германію и скоро окончилъ свое музыкальное путешествіе, возвратясь къ герцогу, принявшему его, на этотъ разъ, въ своемъ дворцѣ, въ Штутгартѣ. Въ это время Веберъ написалъ оперу *Сильвану*, которая была ничто иное какъ второе изданіе, просмотрѣнное и увеличенное, *Лѣсной дѣвы*, съ исправленнымъ либретто. Не даромъ я говорилъ, что ничего не теряется въ блаженномъ мірѣ воображенія! Прибавимъ мимоходомъ, что первая опера Вебера еще не совсѣмъ избавилась отъ измѣненій. *Лѣсная дѣва*, сдѣлавшись *Сильваною*, должна была, благодаря третьему превращенію, называться *Преціозой*. Еслибъ буддизмъ не существовалъ, музыканты его бы изобрѣли! Правда, въ этихъ постепенныхъ переселеніяхъ душа музыки все болѣе и болѣе очищается но не отказываясь совершенно отъ своего сходства, она все же измѣняется. Въ одно время съ *Сильваною* появилась кантата Вебера: *Первый звукъ* (*Der erste Ton*), и другія симфоническія и концертныя сочиненія.

Слава Вебера стала быстро распространяться. Съ каждымъ днемъ музыка его дѣлалась болѣе извѣстной; оперы его давались повсюду; многочисленная публика собралась въ его концерты, потому что Веберъ, какъ исполнитель, не уступалъ маэстро; онъ былъ самый оригинальный композиторъ фортепіанной музыки и превосходѣйшій виртуозъ. Въ 1810 году Веберъ пустился путешествовать; самые блестящіе успѣхи ознаменовали его пребываніе въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Дармштадтѣ. Въ Вѣнѣ Веберъ встрѣтилъ добраго аббата Фоглера, подъ руководствомъ котораго, семь или восемь лѣтъ тому назадъ, изучалъ теорію высшей композиціи. Серьезный умъ Вебера, страстно жаждущій познаній своего искусства, не могъ пренебречь этимъ случаемъ, чтобъ увеличить свои познанія. И вотъ знаменитый маэстро, долженствовавшій въ скоромъ времени подарить своему вѣку три образцовыя произведенія, преклонился передъ авторитетомъ почтеннаго теоретика, когда-то обучавшаго его въ дѣтствѣ, и возвратился въ школу стараго аббата.

Аббатъ Фоглеръ принялъ также въ свой классъ другаго ученика, который долженъ былъ вносѣдствіи, въ свою очередь, обратить на себя вниманіе всей Европы. Мы говоримъ о Мейерберѣ, приѣхавшемъ изъ Берлина въ Дармштадтъ слушать лекціи ученѣйшаго профессора Германіи. Знаменитый авторъ

Роберта сохранилъ отъ этого періода своей молодости почти религіозное воспоминаніе. Одного имени почтеннаго основателя дармштатской школы достаточно, чтобъ воскресить въ памяти Мейербергера дорогое прошедшее, о которомъ онъ всегда говорить съ любовью. «Пріѣзжайте ко мнѣ, писалъ аббатъ Фоглеръ молодому Мейербергу, разсмотрѣвъ одну изъ его фугъ, присланную изъ Берлина, пріѣзжайте въ Дармштатъ; я прошу васъ, какъ сына, *поткрою самъ живой источникъ музыкальной науки.*» Превосходный человѣкъ! Вотъ какъ онъ умѣлъ ободрять теологическое призваніе! У аббата, однако, артистъ-маэстро стоялъ паравиѣ съ духовнымъ лицомъ; религія и музыка были такъ тѣсно связаны въ его умѣ, что представляли настоящую амальгаму мірскаго и духовнаго, которая, дѣйствуя на его преподаваніе, превращала консерваторію, управляемую аббатомъ, въ родъ семинаріи. Странная это была семинарія, гдѣ сталкивались люди всѣхъ вѣроисповѣданій и жили очень звучно между собой, занимаясь служеніемъ одному искусству. Въ школѣ добраго старика работали безъ отдыха: это былъ настоящий искусь бенедиктинцевъ. Каждое утро, на разсвѣтѣ дня, аббатъ Фоглеръ служилъ обѣдню; ему прислуживалъ Карлъ Веберъ, въ качествѣ католика.— Что вы думаете о молодомъ церковнослужителѣ? Еслибъ вы сказали тогда грозному Саміэлю, что этотъ пѣжный ребенокъ, этотъ маленькій клиросникъ, такой смиренный и благочестивый, вызоветъ его со всей его адской свитой, на перекресткѣ страшнаго лѣса, я думаю—Саміэль, при всей своей дьявольской натурѣ, сильно бы удивился! По окончаніи обѣдни, профессоръ, собравъ своихъ учениковъ, давалъ имъ уроки контрапункта, потомъ задавалъ имъ разныя темы церковной музыки и оканчивалъ сеансъ, разбирая каждую изъ написанныхъ піесъ. Чаше всего, около четырехъ часовъ пополудни, когда оканчивались дневныя занятія, аббатъ бралъ съ собой одного изъ своихъ учениковъ, Вебера или Мейербергера, и шелъ прогуливаться къ собору, гдѣ были два органа. Учитель и ученики всходили на хоры, начинался концертъ и вдохновеніе лилось рѣкою. Артисты звали другъ друга, переговаривались и мелодическіе звуки потрясали своды церкви и умиляли душу. Иногда музыкальная братія предпринимала разныя поѣздки: аббатъ посѣщалъ съ своими учениками главные города Германіи; истинный профессоръ, веселый собесѣдникъ, готовый всегда говорить о музыкѣ, способный компаты трактира обратить въ музыкальную академію, если только можно извлечь пользу для своего преподаванія изъ какого-нибудь новаго наблюденія! Люди, подобные Веберу и Мейербергу, были созданы любить и понимать другъ друга. Ихъ сблизила любовь къ музыкѣ и то эстетическое чувство, съ которымъ они понимали это искусство. Однако между будущими соперниками существовала слишкомъ большая разница въ лѣтахъ (Мейерберъ былъ десятию годами моложе Вебера); разница эта не могла не водворить между ними тѣхъ короткихъ отношеній, которыя бы все-таки впослѣдствіи возникли, еслибъ смерть не похитила старшаго изъ друзей. Веберъ уже съ этого времени имѣлъ большое вліяніе на Мейербергера, вліяніе старшинства, которое всегда внушаетъ почтеніе, особенно когда украшено очарованіемъ возникающей славы. Вначалѣ сочувствіе Мейербергера къ своему сотоварищу было проникнуто какимъ-то суетвѣрнымъ удивленіемъ, которое еще болѣе усиливало грустное и задумчивое лицо, дикий и разсѣянный видъ раздражительнаго молодаго человѣка, съ блестящими глазами и выдавшимися скулами, всегда погруженнаго въ мечтанія о сверхъестественномъ мірѣ.

Въ 1806 году Веберъ былъ призванъ въ Дрезденъ занять должность директора музыки. Думали устроить національную оперу въ столицѣ королей Саксонскихъ и легко понять, съ какою поспѣшностью нашъ молодой маэстро занялъ свою новую должность. Веберъ занималъ много мѣстъ въ этомъ родѣ, но не оставался постоянно ни на одномъ, потому ли, что его первическая, чувствительная натура не была способна исправлять посредственныхъ артистовъ, или потому, что молодой композиторъ хотѣлъ непременно служить въ перво-классной резиденціи. Удобный случай представился, Веберъ съ радостью за него ухватился и съ этого времени Дрезденъ сдѣлался его настоящимъ отечествомъ. Неужели пачать говорить о превосходныхъ сочиненіяхъ, ознаменовавшихъ его вступленіе въ новую должность, о кантатахъ, мессахъ, увертюрахъ, когда мы уже дошли до *Фрейшюца*, когда фантастическій часъ пробилъ?

Здѣсь начинается новое время въ жизни Вебера.

I

19-го іюня 1821 года, около полудня, всѣ берлинскіе beaux-esprits какъ бы согласились собраться въ кофейной Стелее. Поэты, музыканты, живописцы, журналисты, расположились группами вокругъ маленькихъ столиковъ и вели самую оживленную бесѣду. Судя по жару и одушевленію разговора, можно было подумать, что дѣло идетъ о мятежѣ или возстаніи, и дѣйствительно-давно уже враждебныя партіи возстали другъ на друга, и хотя споръ не касался политики, но угрожалъ сдѣлаться ужаснымъ и бурнымъ. Можно было ожидать, что снова возобновятся всѣ ужасы знаменитыхъ войнъ партизановъ, которымъ, въ прежнія времена, имена Глюка и Пиччини служили знаменами; Италія и Германія, гвельфы и гибеллины вызывали другъ друга на бой; съ той и другой стороны готовились къ борьбѣ; одни взяли девизомъ и лозунгомъ: Спонтини и *Олимпію*; другіе: Вебера и національную пѣмечкую оперу. Карлъ-Марія Веберъ пріѣхалъ въ Берлинъ дирижировать ренетиціями своего *Фрейшюца* (*) и, благодаря неутомимому терпѣнію великаго маэстро, предпріятіе быстро подвигалось впередъ, несмотря на разныя козни и интриги его враговъ; прибавимъ многоходомъ, такія же козни и интриги возникли черезъ двадцать лѣтъ по-случаю произведеній Мейербергера и опять же по-милости Спонтини. Ктому же, кромѣ генія, за Вебера много говорило національное чувство; поэтому онъ не могъ погибнуть. Пѣвцы были въ восторгѣ отъ музыки и управляющій королевскихъ театровъ не пожалѣлъ издержекъ, чтобъ постановка сцену была достойна образцоваго произведенія. Смотря по обстоятельствамъ, корифеи національной музыки свободно изъявляли свое торжество, или довольствовались надѣяться въ молчаніи; напротивъ, Итальянцы и всѣ державшіе сторону Спонтини были не совсѣмъ спокойны и старались скрыть свои опасенія и безпокойство подъ видомъ непоколебимой увѣренности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ рѣшиться какой-то Веберъ изъ Гольштейна помѣряться силами съ колоссомъ столѣтія, съ великимъ авторомъ *Весталки* и *Олимпіи*! Оставалось только узнать, найдется ли публика, способная не въ шутку принять подобную шалость. Между тѣмъ интриги продолжали свои дѣйствія: мнимые энтузіасты превозносили новую оперу до небесъ, провозглашали ее въ

(*) Написанный въ Дрезденѣ, *Фрейшюцъ* былъ представленъ въ первый разъ въ Берлинѣ.

десять разъ лучше, превосходитъ *Донъ-Жуана* Моцарта и *Фиделіо* Бетховена, надѣясь преувеличенными похвалами и шумомъ унижить автора въ глазахъ его истинныхъ друзей. Что же между-тѣмъ дѣлалъ Веберъ?

Посреди общаго волненія, онъ одинъ былъ спокоенъ и тихъ. Большую часть дня онъ проводилъ съ пѣвцами, а вечеръ въ кругу добрыхъ друзей и, съ вѣрою въ свой талантъ и отличное исполненіе труны, ожидалъ развязки гордо, довѣрчиво, предоставляя однако успѣхъ Божіей милости.

Вотъ что служило темой оживленнаго разговора въ кофейной Стелы, утромъ 19-го іюня 1821 года, въ день перваго представленія *Флейшюца*.

— Не правда ли, любезный маэстро, кричалъ молодой человѣкъ съ военными ухватками, не безуміе ли, что какой-то Веберъ, которому развѣ только можно было уступить одну изъ мелкихъ сценъ предмета, смѣетъ такъ-сказать завладѣть королевскимъ театромъ Берлинской Оперы и предлагаетъ намъ свою романтическую мишуру, собранную безъ толку со всѣхъ музыкальных вѣтошекъ? Привозитъ намъ подобную дрянъ, чтобъ замѣнить образцовую музыку *Олимпии* нашего неподражаемаго Спонтини! — вѣдь это безуміе! мнѣ жаль этого бѣдняка! Какъ вы находите маэстро, правъ ли я, жалѣя Вебера.

— Совершенно правы, съ жаромъ отвѣчалъ маленький человѣкъ въ зеленыхъ очкахъ, произношеніе котораго обличало Итальянца; однако, прибавилъ онъ тотчасъ же, въ этомъ отношеніи мнѣніе мое не совсѣмъ безпристрастно, потому что я удивляюсь только моей родной музыкѣ, питаю безграничный восторгъ къ великому маэстро Спонтини и ставлю его выше всѣхъ композиторовъ!

— Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе! подхватилъ молодой человѣкъ. Спонтини всегда будетъ считаться величайшимъ драматическимъ композиторомъ, которымъ музыка можетъ гордиться, и я не знаю, съ кѣмъ его можно сравнить въ Германіи. Глукъ, въ сравненіи съ нимъ, кусокъ неодушевленнаго мрамора, Моцартъ пріятный и иѣжный музыкантъ, но не гений; ктому же, развѣ можно назвать Моцарта драматическимъ композиторомъ. Его *Донъ-Жуанъ*, которымъ столько добряковъ восхищаются, сами не зная почему, рѣшительно не имѣетъ характера и, за исключеніемъ немногихъ пумеровъ, кажется намъ смѣшной старинной. Повторяю, неужели вы хотите сравнивать Глукъ или Моцарта, съ моимъ героемъ? Безъ него мы бы не знали даже, что такое опера? Никто, кромѣ Спонтини, не понималъ драматической формы; скажу болѣе, онъ ее изобрѣлъ. Неужели вы не согласны со мной, маэстро?

— Совершенно согласенъ, отвѣчалъ быстро Итальянецъ. Потомъ, внезапно одумавшись, прибавилъ, какъ бы боясь навлечь на себя непріятности: однако не подумайте, что я врагъ г. Вебера, я очень уважаю его талантъ, но все-таки полагаю, ему будетъ трудно произвести впечатлѣніе послѣ Спонтини.

— Вы думаете! замѣтилъ молодой человѣкъ, сидѣвшій у сосѣдняго стола и не принимавшій до-тѣхъ-поръ участія въ разговорѣ. Позвольте узнать, милостивый государь, почему вы такъ полагаете? Не потому ли, что нашъ благородный Нѣмецъ пренебрегъ всѣми пустыми дополненіями при поста-

новкѣ своей оперы на сцену, къ которымъ такъ охотно прибѣгаетъ вашъ восхваляемый патронъ, и удовольствовался прибавить только два охотничьи рога въ оркестръ. Кто знаетъ, быть можетъ, эти два охотничьи рога произведутъ болѣе эффекта, чѣмъ тридцать-шесть трубъ Спонтини въ *Олимпии* и вся его великолѣпная обстановка, не исключая даже слоновъ.

— Какой странный человѣкъ, прошепталъ маэстро на ухо своему сосѣду.

— Развѣ вы его не знаете? возразилъ послѣдній;—это самый заклятый врагъ нашего идола. Но что за бѣда? Всѣ эти напыщенные рѣчи не помѣшаютъ оперѣ маленькаго Вебера навсегда унасть сегодня вечеромъ. Оставимъ въ покоѣ партизановъ Вебера, но я и мои друзья не потерпимъ, чтобы звѣзда Спонтини помрачилась, и пока мы будемъ за него стоять—онъ всегда одержитъ верхъ.

При этихъ словахъ дьявольскій хохотъ раздался въ самомъ отдаленномъ углу залы; всѣ взоры обратились въ ту сторону; два человѣка быстро встали и вышли. Старшему было отъ сорока-трехъ до сорока-шести лѣтъ: онъ былъ низенькаго роста, въ коричневомъ сюртукѣ; черные огненные глаза, блиставшіе подъ густыми бровями, сходившимися вмѣстѣ, придавали его лицу необыкновенную подвижность: смуглая кожа была покрыта морщинами, густые, коротко обстриженные волосы начинали сѣдѣть, также какъ и маленькая бородка. Когда незнакомецъ всталъ и, указывая на дверь своему блѣдному, слабому товарищу, сдѣлалъ знакъ слѣдовать за нимъ, можно было полюбоваться на чудную руку необыкновенной красоты и бѣлизны, которой бы позавидовала самая изящная графиня Тиргартена.

— Кто это такой? спросилъ маэстро своего собесѣдника.

— Какъ, отвѣчалъ спонтинистъ, развѣ вы его не знаете? Это всемірный сумасбродъ, Каліо Гофманъ.

— Ахъ да, авторъ *Майората*, *Кремонской скрипки*; но что это за бѣлокурое привидѣніе онъ за собой тащитъ?

— Должно быть, какой-нибудь оригиналъ изъ его дома сумасшедшихъ, быть можетъ братъ Антоніи...

Наступилъ вечеръ. Зала королевскаго театра, наполненная до-пелъзы, ожидала начала представленія съ тѣмъ безпорядочнымъ волненіемъ, которое предшествуетъ всегда важнымъ событіямъ. Наконецъ появился Веберъ. «Помогите Господи!» прошепталъ онъ, подходя къ капельмейстерскому мѣсту. Онъ поднялъ руку, подаль знакъ капельмейстерскимъ жезломъ и увертюра началась.

Извѣстно, какой великолѣпный пріемъ Берлинцы сдѣлали чудному произведенію въ первое представленіе. Нѣмецкій гений одержалъ верхъ, Италія была побѣждена. Побѣда! кричали друзья Вебера; побѣда! вопили восторженные партизаны національнаго искусства, увлекаемая своимъ бѣшеннымъ *визгомъ* воспламененную толпу, потерявшую голову отъ восторга. Веберъ выигралъ сраженіе и съ этого времени неизвѣстный маэстро, скромный пѣвецъ *Преціозы*, сдѣлался авторомъ *Фрейшюца*. О! театръ дивное колесо фортуны, возносящее до небесъ того, кто встрѣтится ему на пути! Театръ даритъ славу и поклоненія неизвѣстному, скромному артисту. Для этого довольно одного вечера, т. е. столько же времени, сколько нужно, чтобы выдунуться куколѣ пасъкомаго...

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С. Петербургскомъ Университетѣ

О М У З Ы К Ъ,

съ ея технической, эстетической и исторической стороны,
читаемая *А. Н. Сьровымъ.*

**Программа ПЯТОЙ лекціи, имѣющей быть во вторникъ, 27 января,
въ 7 часовъ вечера.**

Мажоръ и миноръ.

Цѣль тональностей еще разъ.

Техническій и эстетическій характеръ *мажора*.

Примѣры.

Тональность *минорная* и ея происхожденіе.

Строеніе минорной гаммы.

Интервалъ въ полтора тона и акордъ увеличенной квинты.

Примѣры.

Характерные интервалы минора; примѣры.

Произвольности и сбивчивости въ школьномъ строеніи минорной гаммы.

Историческій взглядъ.

Фундаментъ минорной тональности общій съ мажорною.

Параллели миноровъ съ мажорами.

Мелодичность общепринятаго обозначенія діэзовъ и бемолей въ ключѣ минорной гаммы.

Эстетическій характеръ минора и его отношенія къ мажору.

Примѣры.

Проѣрка всѣхъ тональностей въ мажорѣ и въ минорѣ.

Эстетическое ихъ различіе.

«Wohltemperirtes Klavier» Себастьяна Баха.

Билеты на лекціи продаются въ музыкальных магазинахъ Бернарда, Битнера, Габлера, Гольца, Деноткина, Дюфура, Musée musicale, Стелловскаго, также въ Университетскомъ зданіи.

Въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 27, въ С.-Петербургѣ,

поступила въ продажу:

РУСАЛКА

ОПЕРА

А. С. ДАРГОМЫЖСКАГО.

для пѣнія и фортепіано:

УВЕРТЮРА ВЪ 2 РУКИ 1 р. сер.

1. АРІЯ. Охъ то-то всѣ вы дѣвки молодыя . . . 2 р.
2. ТЕРЦЕТЪ. Чу, я слышу топотъ его коня . . . 3 —
3. ХОРЫ и ХОРОВОДЫ
- а. Ахъ ты сердце мое сердце
- б. Заплетися плетень
- в. Какъ на горѣ мы пиво варили
4. ДУЭТЪ. Нѣтъ не разсѣть думъ тяжелыхъ . . . 2 —
5. ДУЭТЪ. Ба, ба, ба, ба, что вижу! 2 —
6. ФИНАЛЬ. Ахъ ты поле мое поле 2 —

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

7. СВАДЕБНЫЙ ХОРЪ. Какъ во горнищѣ свѣтлицѣ 1 — 50 к.
8. АРІЯ-ДУЭТЪ. Подруги дѣтства, подруги дѣтства юныхъ дней 1 — 50 —
9. а. РЕЧИТАТИВЪ. А гдѣ дружка
- б. ЗАЗДРАВНЫЙ ХОРЪ. Да здравствуетъ нашъ князь молодой
10. СЛАВЯНСКІЙ ТАНЕЦЪ 1 —
11. ЦЫГАНСКІЙ ТАНЕЦЪ 1 —

12. ФИНАЛЬ
- а. РЕЧИТАТИВЪ. Что жъ красныя дѣвчцы вы примолкли
- б. ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ. Сватушка, сватушка
- в. ПѢСНЯ. По камушкамъ по желту песочку
- г. КВАРТЕТЪ СЪ ХОРОМЪ. Не къ добру на свадьбѣ нашей

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

13. АРІЯ. Чу, кажется трубятъ 1 —
14. РЕЧИТАТИВЪ. Княгиня бѣдная
- и ПѢСНЯ. Какъ у насъ на улицѣ
15. ХОРЪ РУСАЛОКЪ. Свободной толпою 1 —
16. КАВАТИНА. Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ 1 —
17. ДУЭТЪ СЪ ХОРОМЪ. Что это значитъ? 1 —

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

18. ТАНЦЫ РУСАЛОКЪ 1 —
19. СЦЕНА и АРІЯ. Оставьте пряжу сестры 1 — 50 к.
20. ФИНАЛЬ. Что я вижу! откуда ты прелестное дитя 3 —

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 24 января 1859 года. Цензоръ *Д. Макевичъ.*

ъ типографіи Я. Іонсона.

Редакторъ *М. РАППАПОРТЪ.*

Издатель *Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.*

Лит. Р. Беренгофа.

Amalia Ferraris

АМАЛІЯ ФЕРРАРИСЪ.

Собственность Издателя

С. ПЕТЕРБУРГЪ, у Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Литошн. Морской, въ домъ слугферма
13 27